

Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии», а также политические размышления Н. М. Карамзина в его переписке Мелодора и Филалета.

Выступление Радищева рассматривается как «следствие быстрого разума», увлекшегося «сатанинской философией» «антихристианских вольнодумцев»¹. Расправа самодержавия с Радищевым приветствуется такими масонами, как Н. Н. Трубецкой, И. В. Лопухин и др., и используется для устрашения тех, кто не стоит на «христианских правилах». Масоны не уставали «твердить, что критика настоящего образа правления есть не дозвольтельное дело и ни мало не принадлежит литературе»². Они не только старались отмежеваться от вольнодумцев, имевших какие-либо «политические виды», но и прямо говорили о своей обязанности употреблять «наиприлежнейшее рачение к открытию» иллюминаторов (в одном из писем И. В. Лопухин писал, что поступок Радищева «мог отсюда произойти») ³, они делали «всевозможные распоряжения к обнаружению оных скрытых просветителей» и были уверены, что за «усердие и особую любовь и верность»⁴ государыня подаст им «руку помощи, собственная ея польза требует сего»⁵.

Объективно позиция масонов в отношении к Радищеву ставила их в один ряд с его откровенными гонителями.

Философия XVIII века была «так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»⁶.

Все сказанное позволяет утверждать, что в произведениях Радищева, несомненно, отразилась философская полемика двух основных направлений 80-х годов и что его произведения оказали в свою очередь значительное влияние на исход этой борьбы в последующие годы.

Анализ «Путешествия из Петербурга в Москву» под углом зрения полемической направленности его против масонства должен явиться предметом глубокого специального исследования.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»*

А. А. РЯЗАНОВ

I

В 1904 г. в библиотеку Академии наук в дар от А. А. Майковой—вдовы академика Л. Н. Майкова—поступило большое собрание автографов А. С. Пушкина. В числе этих автографов находился лист бумаги с водяным знаком 1829 г., сложенный пополам, с записанными на нем шифрованными стихами поэта. На обеих сторонах листа, среди текста, стояли красные цифровые пометки: 66, 67, свидетельствующие о том, что этот лист находился в бумагах Пушкина до самой его смерти, после чего был занумерован чиновниками III отделения.

Принося в дар библиотеке пушкинские рукописи, А. А. Майкова поставила условием, чтобы до их опубликования в академическом издании сочинений Пушкина, начатом Л. Н. Майковым, они не поступили в научный оборот. Поэтому некоторое время новые автографы поэта и оставались недоступными ни исследователям, ни читателям. В 1906 г. было напечатано краткое извещение об их существовании⁷, и лишь в 1910 г. в

¹ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века, стр. 8 и 16.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 203.

⁵ Там же, стр. 32.

⁶ В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, Сочинения, изд. IV, т. 14, стр. 343.

* Доклад, прочитанный на конференции НСО весной 1955 г.

⁷ Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой, «Пушкин и его современники», в. IV, 1906 г.

XIII выпуске сборника «Пушкин и его современники» П. О. Морозов опубликовал статью «Шифрованное стихотворение Пушкина» (с приложением фотографии пушкинской рукописи). П. О. Морозов очень удачно расшифровал большую часть текста и, толкуя его как «отрывок самостоятельного стихотворения», допускал, однако, возможность интерпретации загадочных строк как части «Путешествия Онегина, которого поэт приводил в круг декабристов»¹.

Единственным исследователем, который смотрел на вновь найденную рукопись Пушкина, как на самостоятельное произведение, не имеющее отношения ни к Онегину, ни к его Путешествию, был Д. Н. Соколов². Он был и последним.

В 1915 г. Н. О. Лернер, опираясь на впервые собранный им большой историко-литературный материал (дневниковая запись П. А. Вяземского, пометка Пушкина о X главе, письмо А. И. Тургенева к брату Н. И. Тургеневу, воспоминания М. В. Юзефовича о Пушкине), уже утверждает, что «...хотя (в зашифрованных стихах) об Онегине не сказано ни слова, из соображений П. А. Вяземского и А. И. Тургенева видно, что это именно часть десятой главы», в которой Онегин, «огтолкнутый Татьяной, попадает в среду политических заговорщиков»³.

Точка зрения Н. О. Лернера, не вызвав никаких сомнений или возражений в печати, сделалась общепринятой.

В 1922 г. М. Л. Гофман, исходя из концепции Н. О. Лернера и используя некоторые соображения доклада С. М. Бонди, прочитанного в пушкинском семинаре Петроградского университета, высказал мысль о том, что зашифрована была поэтом не просто какая-то часть X главы, а лишь первые четверостишия 16 строк.

В 1932 г. Н. Л. Бродский в своем комментарии к роману «Евгений Онегин» предлагает уже «иное, сравнительно с общепринятым, размещение некоторых строк, в итоге чего читатель (якобы) приходит к другим выводам, более соответствующим мировоззрению поэта и современной поэту действительности»⁴.

Итогом изучения так называемой X главы за четверть века явилась работа Б. В. Томашевского «Десятая глава «Евгения Онегина»⁵. Автор, собрав и систематизировав весь текстовый, документальный и мемуарный материал, обобщает все сказанное его предшественниками, ведет полемику с Н. Л. Бродским, не соглашаясь с предложенной им перестановкой строк, вновь публикует снимки с криптограммы. Но переучет и проверка

¹ П. О. Морозов, шифрованное стихотворение Пушкина, «Пушкин и его современники», 1910 г., в. XIII, стр. 11.

² Д. Н. Соколов, По поводу шифрованного стихотворения Пушкина, «Пушкин и его современники», 1913, в. XVI, стр. 1—11.

³ Новые приобретения пушкинского текста и дополнения Н. О. Лернера, «Библиотека великих людей», Пушкин, т. VI, П., 1915, стр. 215.

⁴ Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина, стр. 352. (Так как в последующих изданиях—1937 и 1950 гг.—взгляд Н. Л. Бродского на X главу не изменился, мы цитируем по последнему изданию). Н. Л. Бродский предлагает строфу «Сначала эти заговоры» перенести с конца текста в его средину и поставить перед строфой «У них свои бывали сходки» на том основании, что в строфах «Друг Марса, Вакха и Венеры» и «Так было над Невою льдистой» дано изображение якобы Северного и Южного тайных обществ, которое должно следовать за изображением деятельности «Союза Спасения» и «Союза Благоденствия», данным в строфе «Сначала эти заговоры». М. И. Плешанова (см. ее работу «Декабристские строфы X главы «Евгения Онегина», «Вестник Московского университета», 1953 г., № 4, филология, в. 2, стр. 111—128) верно замечает, что все изображенное в строфах «Друг Марса, Вакха и Венеры» и «Так было над Невою льдистой» относится не к периоду деятельности Северного и Южного обществ, а «ко времени существования первых тайных организаций—«Союза Спасения» и «Союза Благоденствия» (стр. 114). Поэтому вряд ли правомерна предлагаемая Н. Л. Бродским перестановка строк.

⁵ Б. Томашевский. Десятая глава «Евгения Онегина», «Литературное наследство», 1934, 16—18, стр. 379—420

всех материалов, относящихся к зашифрованным строфам, не приводят автора к новым выводам. Б. В. Томашевский не ставит под сомнение правильность истолкования зашифрованного текста, продолжая как и предшествующие исследователи, считать его частью X главы.

На позициях не критического отношения к вопросу о так называемой десятой главе стоит и Н. Н. Фатов, выдвинувший гипотезу о двух финалах романа «Евгений Онегин»¹. Суть этой гипотезы состоит в том, что наряду с общеизвестным («легальным») финалом романа у Пушкина будто бы был еще замысел нелегального финала, от которого сохранилась лишь часть десятой главы и по которому «Онегин должен был найти себе высокую цель жизни и подлинное счастье вместе с передовыми людьми той эпохи—дворянскими революционерами-декабристами».

Впрочем и X глава была, по мнению Н. Н. Фатова, еще не финалом, а лишь приступом к финалу, так как роман должен был состоять из 12 глав. По мысли Н. Н. Фатова, в связи с X главой «Евгений Онегин» переходит «в иное качество—исторического романа» (стр. 14), и, поскольку нелегальный замысел (главы 10, 11, 12) нельзя было осуществить для печати, то Пушкин на пятом этапе своей работы над «Евгением Онегиным» решил «оборвать роман, не доведя его до настоящего конца»², и ограничиться «легальным финалом».

Против догадок Н. Н. Фатова о разных финалах романа, о его предполагаемом продолжении выступает со скрытой полемикой Д. Д. Благой в своей последней книге «Мастерство Пушкина». Автор верно говорит, что «мы совсем не знаем, как оформилось бы это продолжение, если бы оно осуществилось .., и вовсе не знаем, как бы оформилось оно композиционно»³.

Как видим, взгляд на зашифрованный текст пережил значительную эволюцию в научной литературе⁴. Если для Д. Н. Соколова (в какой-то мере и для П. О. Морозова) он представлялся самостоятельным политическим стихотворением, то в настоящее время этот текст и наброски трех онегинских строф считаются частью X главы «Евгения Онегина», в связи с которой ставятся вопросы о перерождении Онегина в декабриста, о незавершенности романа и о переходе его в новое качество—историзм, о двух планах и двух финалах романа и даже о «месте Пушкина-художника в классовой борьбе 20-х и 30-х годов». Поэтому небезинтересно, отказавшись от предвзятых точек зрения и проверив документы, на основании которых утвердилось мнение о X главе, попробовать уяснить вопрос: действительно ли зашифрованные строки являются частью «Евгения Онегина» и в каком смысле можно говорить о них как о X главе романа.

II

Сама тематика зашифрованных стихов не дает никаких оснований для отнесения их к «Евгению Онегину». В занимающих нас строфах нет ни Онегина, ни других персонажей романа, их содержание настолько резко, несоотносимо отличается от всех других глав романа по объектам изображения, пафосу, политической заостренности, что лишь вопреки

¹ Н. Н. Фатов. О «Евгении Онегине» Пушкина (к вопросу об истории создания романа), «Ученые записки Черновицкого государственного университета», серия филол., вып. 2, 1955, т. XIV, стр. 127.

² Там же, стр. 98.

³ Д. Д. Благой. «Мастерство Пушкина», М., 1955, стр. 181

⁴ Мы не хотим спорить с исследователями, которые утверждали, что «и по художественным достоинствам десятая глава была (не была бы!) одной из лучших глав романа» (Б. С. Мейлах), или без сколько-нибудь серьезной аргументации, предполагали, что будто бы Белинский располагал даже списком десятой главы (А. И. Гербстман).

очевидности можно утверждать, что эти стихи являются какой-то частью общеизвестного произведения.

Но исследователи, утверждая связь зашифрованных строф с «Евгением Онегиным», исходили, как было уже отмечено ранее, не из пушкинского текста, а, главным образом, из свидетельств П. А. Вяземского, А. И. Тургенева и М. В. Юзефовича, сопоставляемых с пометкой, сделанной Пушкиным на последней странице рукописи «Метели».

Краткая пометка Пушкина: «19 окт. сож. X песнь» — в данном случае ничего не объясняет. Из нее следует только то, что в каком-то виде существовала какая-то «X песнь», сожженная 19 октября <1830 г.>. Что это за X песнь, каковы ее содержание и размеры, из пометки заключить нельзя.

Свидетельства современников Пушкина толкуются так, что у каждого исследователя одно и то же высказывание приобретает свой смысл. Так, например, дневниковая запись П. А. Вяземского: «Третьего дня был у меня Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главы Онегина. Ею и кончает, из 10-й предполагаемой читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника, куплеты: «я мещанин, я мещанин», эпиграммы на Булгарина за Арапа <...>. У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи»¹.

Н. О. Лернер и М. Л. Гофман расставляют в этой записи знаки препинания так, что слова: «славная хроника» — относятся к X главе. В публикации Б. В. Томашевского «славная хроника» выступает как нечто самостоятельное, написанное помимо X главы. Далее, почему-то все исследователи считают, что П. А. Вяземскому более всего понравилась в X главе строчка «У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи» и поэтому он выписал ее в конце своей записи. Но ведь более вероятно предположить, что эта строчка является обозначением того, что П. А. Вяземский просто не мог или не хотел называть и что было написано в деревне наряду со всем прочим, перечисленным в дневнике П. А. Вяземского.

Наконец между пометкой Пушкина и дневниковой записью П. А. Вяземского есть неувязка во времени. Пушкин отметил, что он сжег X песнь 19-го октября 1830 года. П. А. Вяземский же записал 19-го декабря 1830 года, что он три дня назад слышал ее от Пушкина. Все это невольностораживает. Тем более, что свидетельства А. И. Тургенева и М. В. Юзефовича также искажаются. Правда, в своем настоящем виде они не говорят против Н. О. Лернера, но и не говорят так убежденно «за», как это на первый взгляд кажется. А если к этому добавить еще, что ни в одной из дошедших до нас черновых творческих рукописей поэта, ни в его письмах, ни в записных книжках нет ни упоминания о десятой главе, ни следов работы над нею, то станет ясным, что у нас нет достаточных оснований для толкования шифрованного текста как части десятой главы.

Но, будучи отличным от содержания романа, зашифрованный текст очень близко соответствует тому, что передает о «десятой главе» П. А. Вяземский. Что же он тогда имел в виду, упоминая об этой «десятой главе»?

Мы считаем возможным принять здесь предположение, высказанное Ю. Г. Оксманом, что Пушкин сознательно ввел в оборот название «десятая глава», чтобы ложной ссылкой на свой известный роман прикрыть содержание совершенно самостоятельного нелегального сатирического произведения, в построении которого была использована «онегинская строфа». Название «десятая глава» было безобидно и не вызывало никаких подозрений².

¹ П. А. Вяземский. Полн. соб. соч., т. IX, 1884, стр. 52.

² Специальный курс, лекции о Пушкине в СГУ (1955 г.).

Проблема того или иного толкования так называемой десятой главы очень осложняется широко распространенной гипотезой об Онегине-декабристе, укоренившейся даже в школьных учебниках. Считается, что так называемая X глава и есть то продолжение романа, где Онегин должен был выйти на Сенатскую площадь. Краеугольным камнем этой концепции является высказывание М. В. Юзефовича, взятое из его воспоминаний о Пушкине: «Он объяснял нам довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов»¹. Н. О. Лернер, Н. Л. Бродский, С. Я. Гессен, Н. Н. Фатов, Д. Д. Благой — все, говоря о перерождении Онегина в декабриста, ссылаются на это свидетельство, не пытаясь даже проанализировать его как первоисточник, который вовсе не имеет документальной значимости. М. В. Юзефович писал свои воспоминания о Пушкине в 1880 г., когда ему уже было около 78 лет, спустя 50 с лишним лет после того времени, о котором он рассказывает. Мемуарист мог многое забыть за это время, переосмыслить, даже невольно исказить.

К тому же в 1829 г. Пушкин и М. В. Юзефович встретились впервые, и трудно поверить, чтобы за короткое время Пушкин сблизился с этим случайным знакомым настолько, что делился бы с ним своими литературными замыслами. Но предположим, что все это могло быть. В самом свидетельстве М. В. Юзефовича есть большая, необъяснимая натяжка. Мог ли Пушкин по первоначальному замыслу (а у М. В. Юзефовича речь идет о первоначальном замысле), относящемуся к 1823 г., иметь намерение сделать Онегина декабристом? Конечно, не мог. Потому что «декабризм», как таковой, появился после 1825 г. Не в полемике с М. В. Юзефовичем, но именно об этом говорит Д. Д. Благой: «Дальнейшее действие романа охватывало период до весны 1825 года, а в уничтоженной по политическим основаниям десятой главе выходило и за эти пределы: включало восстание декабристов и его трагический исход. Предусмотреть, в частности, эти последние события Пушкин в начале работы над романом (май 1823 г.), понятно, никак не мог»².

Мы полагаем, что на таких малоавторитетных и противоречивых данных, как свидетельство М. В. Юзефовича, нельзя строить концепции об Онегине-декабристе, тем более, что, кроме М. В. Юзефовича, есть еще один свидетель, который выступает против этой гипотезы и о котором обычно забывают исследователи, — сам художественный образ. Может ли Онегин стать декабристом? Есть ли в этом герое романа черты декабриста или хотя бы предпосылки, необходимые для перерождения его в действительного революционного борца? Мы можем сослаться здесь на авторитетное свидетельство А. И. Герцена, который правильнее других разбирался в творчестве Пушкина, будучи преемником и живым носителем его традиций. В то же время он очень близок к декабризму и, как революционер-демократ, является наследником декабристов (вспомним Лснина: «Декабристы разбудили Герцена»), поэтому в вопросе «Онегин и декабристы» мнение Герцена заслуживает самого большого доверия. Декабристы, как их характеризует Герцен, люди энергичные, деятельные, посвятившие себя делу общественного переустройства, люди, ищущие социальной справедливости, вставшие на сторону народа. Онегин же — человек без характера, «бездельник», который никогда ничем не занимался всерьез, человек, который не знает, что ему хочется. Он не может встать ни на сторону народа, ни на сторону правительства. «Факт тот, — писал А. И. Герцен, — что все мы более или менее Онегины, раз только не предпочитаем быть чиновниками или помещиками... Юноша не

¹ М. В. Юзефович. Памяти Пушкина, «Русский Архив», 1880, III, стр. 442.

² Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина, М., 1955, стр. 76

встречает никакого живого интереса в этом мире раболепия и мелочного честолюбия. И, однако, в этом-то обществе он осужден жить, так как народ еще более от него отдален... Остается уединение или борьба, но мы не имеем достаточно нравственной силы ни для того ни для другого. Таким-то образом становятся Онегинскими, если не погибают в публичных домах или в казематах какой-нибудь крепости»¹.

Ясно, что Онегин — не борец, не революционер, он никак не годится в декабристские деятели. Следовательно, и отрывки так называемой десятой главы не принадлежат к роману, так как последний довод в пользу этого, будто бы Онегин в них должен стать декабристом, отпадает².

Нам кажется, что в дальнейшем рукопись, зашифрованную Пушкиным, так называемую «десятую главу», следует изучать как фрагменты совершенно самостоятельного произведения, без насильственной связи его строф с романом «Евгений Онегин», его образами, идеей и т. д. Вопросы об Онегине-декабристе должны решаться прежде всего на основе изучения канонического текста «Евгения Онегина», но никак не под гипнозом зашифрованных строф, не имеющих прямого отношения к роману. Только такая постановка вопроса может внести ясность в оценку романа и в изучение криптограмм, положив конец представлению, которое создавалось независимо от желания исследователей, будто бы «Евгений Онегин» потому лишь и является энциклопедией русской жизни и так ценен для читателей, что, кроме канонического текста, существуют еще отрывки X главы. Нет сомнения, что эти зашифрованные отрывки ценны и значительны. В них содержатся исключительные по силе и глубине политические обобщения, яркие зарисовки исторических событий, лиц и меткие характеристики деятелей декабризма и их врагов. Но «Евгений Онегин» — колоссальное произведение огромной общественно-исторической значимости независимо от того, существовала или не существовала еще и особая его глава.

---

¹ А. И. Герцен О развитии революционных идей в России, Полн. собр. соч. Герцена, т. IV, 1919, стр. 356—357.

² Следует отметить, что существующая расшифровка текста не может считаться окончательной: слишком много получается ошибочно написанных или, наоборот, пропущенных строк. Одно то, что Пушкин приписал сбоку левого столбца четыре строчки, а сбоку правого—семь, и то, что в правом столбце одна строчка вычеркнута, говорит о намерении Пушкина довести количество строк с той и другой стороны до тридцати одной и, тем самым, видимо, зашифровать какую-то законченную часть текста. Выступление С. Обручева (см. его статью К расшифровке десятой главы «Евгения Онегина», «Временник пушкинской комиссии», 1939, № 4—5.), подвергнувшего сомнению чтение некоторых строк и предложившего новое их чтение, также говорит о том, что в расшифровке текста еще очень много гипотетичного и предполагаемого.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

Отдел III